

Когда он болел в Лондоне, то всегда справлялся сам. Начинался жар — пил жаропонижающее, появлялся кашель — пил микстуру от кашля. Никто не подавал ему воды, никто не менял мокрое полотенце, никто не сидел у постели всю ночь напролёт, никто не варил кашу.

Он думал, что привык.

Но оказалось, что нет.

Он вовсе не привык к независимости, просто ему не на кого было полагаться. И лишь когда этот человек появился, он понял, как сильно на самом деле жаждал заботы.

Сицзэ смотрел на опустившегося перед ним юношу, на его покрасневший кончик носа, на капельки воды, застрявшие на ресницах, и на тонкие, бледные пальцы, сжимающие пиалу с кашей.

Ему хотелось протянуть руку и погладить его по голове.

Он сдержался.

— Ешь, — голос Сицзэ был очень мягким, почти невесомым, словно он боялся спугнуть что-то хрупкое. — Поешь и ещё немного поспи.

Шэнь Юань кивнул, снова взял пиалу и медленно, ложка за ложкой, доел всю кашу до конца.

На дне не осталось ничего — ни единого зёрнышка.

Он поставил пустую пиалу на прикроватную тумбочку, поднял голову и посмотрел на Сицзэ.

Утренний свет пробивался сквозь щель в занавесках, падая на них двоих. Глаза Шэнь Юаня были влажными, чёрными и блестящими, похожими на обсидиан, омытый дождём.

Он заговорил, тихим-тихим голосом, в котором всё ещё слышалась мягкая, растерянная детская нотка человека, только что выплакавшегося:

— Спасибо, мистер.

Эти четыре слова отличались от того прежнего многократно повторенного «спасибо вам».

На этот раз обошлось без почтительного «вам», прозвучало лишь «мистер».

Это была не дежурная вежливость, а искренняя, идущая из глубины сердца благодарность, наполненная теплом.

Сицзэ посмотрел на него, его кадык судорожно дёрнулся.

— Не за что, — произнёс он. — Если в следующий раз снова заболеть, не вздумай переносить всё на ногах. Звони мне. В любое время.

Шэнь Юань кивнул, а затем покачал головой:

— Я не хочу вечно вас утруждать.

Сицзэ посмотрел на него.

Несколько секунд царила тишина.

А затем он произнёс слова, от которых сердце Шэнь Юаня едва не остановилось.

— Ты не утруждаешь.

— Ты никогда и ничем меня не утруждаешь.

Шэнь Юань остолбенел.

Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но в голове стояла абсолютная пустота, и не находилось ни единого слова. Сердце колотилось так дико и громко, что ему казалось, будто Сицзэ непременно слышит этот стук.

Он опустил голову и натянул одеяло так, чтобы закрыть половину лица, оставив снаружи лишь пару сияющих глаз.

— ...Мм.

Сицзэ глядел на глаза юноши, выглядывавшие из-за края одеяла, а уголки его губ тронула едва заметная, невесомая улыбка. Он поднялся и забрал пустую пиалу.

Уже у дверей он остановился, не оборачиваясь, и сказал ровным голосом:

— Поспи ещё немного. Сегодня я побуду с тобой.

Дверь тихо затворилась.

Шэнь Юань целиком забился под одеяло, спрятавшись с головой.

Вокруг него стоял густой аромат кедра.

Его сердце колотилось, словно барабан, а лицо пылало так сильно, будто жар вернулся вновь.

Сегодня я побуду с тобой.

Он снова и снова перекачивал эти слова на языке, а затем уткнулся лицом в подушку, улыбаясь так, что его глаза превратились в полумесяцы.

Подушка была влажной — то ли от недавних слёз, то ли от чего-то ещё.

Но Шэнь Юань знал: с сегодняшнего дня он больше не одинок.

Кто-то обязательно примчится, когда он заболеет, просидит у постели всю ночь, сварит пиалу каши, а потом тихо скажет ему:

Ты не утруждаешь.

Никогда не утруждал.

Глава 11. Доставка

Даже после того как жар у Шэнь Юаня полностью спал, Сицзэ не стал реже выходить на связь — напротив, они стали видеться ещё чаще.

Сначала Шэнь Юань думал, что это просто совпадение.

В понедельник утром, когда он с ящиком для художественных принадлежностей вышел из подъезда, у обочины стоял тот самый чёрный роллс-ройс. Заднее стекло опустилось, и в лучах утреннего солнца показалось лицо Сицзэ.

— Садись? Нам по пути.

Во вторник после обеда, когда он выходил из художественной студии, эта машина снова ждала у входа. Сицзэ протянул ему стаканчик с поднимающимся от горячего чая пара, обронив: «Случайно проезжал мимо».

В среду в полдень Шэнь Юань покупал обед в сендвичной неподалёку от колледжа. Когда он собрался платить, продавец сказал, что тот джентльмен уже всё оплатил.

Он обернулся и через стеклянную витрину увидел знакомый автомобиль, припаркованный на противоположной стороне улицы. Человек на заднем сиденье склонил голову над телефоном, и его правильный профиль чётко вырисовывался в лучах солнца.

К четвергу Шэнь Юань окончательно в этом убедился.

Никаких совпадений тут не было.

Сицзэ Лестер, этот британский аристократ, казалось, утопавший в бесконечных делах, специально возил его туда и обратно.

— Мистер, — садясь в машину и прижимая к груди ящик с красками, тихо спросил Шэнь Юань.
— Вы что, каждый день специально приезжаете за мной?

Сицзэ просматривал почту в телефоне. Услышав вопрос, он поднял голову, и его серо-голубые глаза посмотрели на юношу совершенно невозмутимо:

— Не специально, это входит в расписание.

Шэнь Юань моргнул:

— ...А какая разница?

— Специально — это минутная прихоть, а расписание — долгосрочный план.

Шэнь Юань опешил от такого ответа. Он приоткрыл рот, не зная, что и возразить, а его уши постепенно окрасились в розоватый цвет.

Сицзэ бросил на него мимолётный взгляд, уголки его губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки, после чего он снова уткнулся в экран.

Шэнь Юань сидел рядом, а его сердце вновь забилось на несколько ударов быстрее.

Он опустил голову и сделал вид, что занят наведением порядка в ящике: выстроил кисти в идеальный ряд, затем пересчитал их с самого начала и с ужасом понял, что его пальцы слегка дрожат.

Искоса он украдкой взглянул на соседа.

Сегодня на Сицзэ был надет тёмно-синий костюм, серебристо-серый галстук, а белая рубашка сияла чистотой свежеснеженного снега.

Шэнь Юань отвёл взгляд и извлёк наружу карандаш с блокнотом для набросков.

Машина шла невероятно плавно, практически без укачивания.

Он откинулся на спинку сиденья и сделал несколько беглых штрихов в альбоме — просто бессознательные каракули.

Когда он опустил глаза, то с удивлением обнаружил, что рисует человеческую руку.

Чётко очерченные суставы пальцев, изящные длинные линии, а на безымянном пальце — старинная массивная перстень-печатка.

Это была рука Сицзэ.

Шэнь Юань испуганно захлопнул альбом, сунул его на самое дно ящика для принадлежностей и сверху завалил парой художественных каталогов.

С чувством глубокой вины он украдкой покосился на Сицзэ.

Тот уже убрал телефон и теперь, слегка склонив голову, наблюдал за ним. Во взгляде сквозило едва уловимое веселье.

— Что рисовал?

— Ни, ничего особенного, — покрепче обхватив ящик руками, пробормотал Шэнь Юань. — Просто так, чиркал от нечего делать.

Сицзэ не стал допытываться, но уголки его губ изогнулись ещё заметнее.

Когда машина подъехала к воротам колледжа, Шэнь Юань уже собирался выходить, но Сицзэ окликнул его:

— Во сколько заканчиваются занятия?

— В половине пятого.

— Я буду в половине пятого. Никуда не уходи.

Шэнь Юань кивнул и, прижимая к груди ящик, выскочил из салона.

Пройдя несколько шагов, он оглянулся.

Чёрный автомобиль всё ещё стоял на прежнем месте. Заднее стекло было опущено, и Сицзэ смотрел ему вслед, а его серо-голубые глаза казались невероятно ясными в солнечном свете.

Шэнь Юань махнул ему рукой и побежал к учебному корпусу, чувствуя, как горят уши, а уголки рта помимо воли тянутся вверх.

С того дня поездки стали неизменной частью их распорядка.

Каждое утро, когда Шэнь Юань выходил из дома, эта машина уже поджидала его у подъезда.

Он понятия не имел, к какому часу приезжал Сицзэ; порой, выходя на десять минут раньше назначенного времени, он всё равно обнаруживал автомобиль на привычном месте.

Каждый день после занятий, стоило ему выйти за главные ворота колледжа, машина неизменно стояла на одной и той же точке. Ему не нужно было всматриваться в номера или гадать — он мог найти её хоть с закрытыми глазами.

Поздняя лондонская осень становилась всё холоднее, но Шэнь Юань больше не простоял на пронизывающем ветру ни единой лишней секунды.

Каждый раз, покидая корпус, он видел тихо замерший у обочины чёрный автомобиль, бежал к нему, распахивал дверцу — и навстречу ему устремлялся поток тепла от печки, а в руки тут же вкладывали чашечку горячего чая или какао.

После этого машина плавно трогалась с места, увозя его лабиринтами лондонских улиц.

Шэнь Юань постепенно привык делать домашние задания прямо в машине Сицзэ.

Сначала ему было неловко: писать уроки в чужом авто казалось чем-то безумно странным.

Но вскоре он понял, до чего же здесь мягкий ход, какие удобные сиденья и какое идеальное освещение.

К тому же Сицзэ обычно был занят работой — просматривал документы, отвечал на письма или изредка делал телефонные звонки.

Работая, он вёл себя тихо и совершенно не мешал Шэнь Юаню.

Так у Шэнь Юаня выработалась привычка: едва усевшись, он раскрывал ящик, доставал учебные принадлежности и, свернувшись калачиком на заднем сиденье, принимался за учёбу. Сицзэ сидел рядом, и разделял их вовсе не подлокотник кресла, а раскинутый альбом для набросков вперемешку с коробкой цветных карандашей.

Иногда, увлекшись рисованием, Шэнь Юань незаметно придвигался ближе, пока его плечо не касалось руки Сицзэ, и расстояние между ними сокращалось до минимума.

Сицзэ никогда не отталкивал его и не пытался подвинуться.

Он просто сидел неподвижно, позволяя плечу юноши опираться на свою руку, и продолжал углублённо изучать бумаги — словно крупное, благодушное и терпеливое животное из семейства кошачьих, которое позволят использовать себя вместо подушки.

Однажды днём Шэнь Юань рисовал в машине зарисовку улицы неподалёку от колледжа.

Он ушёл в процесс с головой: карандаш ритмично шуршал по бумаге, губы чуть выпятились от усердия, сам он весь сжался в комочек на сиденье, подобрав ноги, и даже не заметил, что у него развязался шнурок на ботинке.

Сицзэ завершил рабочий звонок и, повернув голову, застал эту картину.

Юноша уютно устроился на заднем сиденье его машины, утопая в кожаной обивке и казаясь совсем маленьким.

Солнечный свет падал сквозь стекло по косой линии, освещая его руку, сжимающую карандаш.

Карандаш быстро бегал по бумаге, локоть плавно смещался вслед за линиями, а временами Шэнь Юань замирал, склонив голову набок, чтобы критически оценить рисунок, и продолжал снова.

Сицзэ долго смотрел на него.

Почувствовав этот взгляд, Шэнь Юань поднял голову, встретился с серо-голубыми глазами и растерянно заморгал:

— Что такое? — он опустил глаза на свой рисунок. — Плохо получается?

— Очень хорошо, — ответил Сицзэ. — Только не стоит подолгу всматриваться в полумраке машины, глаза испортишь.

— Сейчас дострою, тут совсем чуть-чуть осталось, — Шэнь Юань снова уткнулся в альбом, а карандаш зашевелился ещё быстрее.

Сицзэ больше ничего не сказал. Протянув руку, он взял недопитый чай Шэнь Юаня и проверил температуру — напиток уже успел остыть.

<http://bllate.org/book/25586/3051649>